

Существует легенда, что морские sireны завораживали и соблазняли моряков и рыбаков своим эфирным, прекрасным голосом, заставляя их отдавать себя в жертву демонам с жуткими лицами на дне морском.

Сы Юэ почувствовал, что он тоже был околдован. И Бай Цзянь был той самой сиреной.

Лунный свет падал и струился по их сторонам. Сы Юэ стиснул зубы и подошёл. Чем ближе он подходил к Бай Цзяню, тем сильнее становился холодный, влажный запах моря.

Он поднял глаза на Бай Цзяня, чьё лицо было наполовину покрыто чёрной чешуёй. Мягкость в его глазах и странный, опасный запах, не похожий на других русалов, совершенно не противоречили друг другу. Сознание Сы Юэ было в смятении.

К счастью, Бай Цзянь сохранил рассудок. Он спас Сы Юэ дважды, и сейчас любопытство и удивление Сы Юэ преобладали над страхом. Бояться было нечего, Бай Цзянь не причинит ему вреда.

Сы Юэ сам протянул руки, обнял русала за талию, крепко сжал, а затем отпустил, выдавив из горла тихий вздох:

Сы Юэ первым обнял тритона за талию, крепко сжал на мгновение и тут же отстранился, выдохнув:

— Ну что, так пойдет?

Он заметил, как дрогнул плавник тритона. Тот ничего не ответил, лишь принялся пристально его изучать. Снова возникло это жуткое чувство, будто на тебя смотрит голодный хищник. Сы Юэ сглотнул и покосился на дверь за спиной Бай Цзяня:

— Ты... это... почему ты сейчас такой?

Даже если чешуя появлялась у обычных тритонов, она обычно покрывала хвост, живот или область за ушами. Но чтобы пол-лица — такого не бывало. Сы Юэ до боли сжал кулаки. Как бы он ни гнал от себя эти мысли, сейчас Бай Цзянь чертовски напоминал тех неведомых чудовищ, что обитают в самых темных провалах океанского дна.

— Проклятие, — Бай Цзянь притянул Сы Юэ к себе так близко, что они коснулись кончиками носов.

Сы Юэ поморщился от боли. Ледяная лапа тритона легла на его затылок, и этот холод волной прошел по позвоночнику до самого копчика. Он промерз до костей.

— Проклятие? — любопытство снова взяло верх.

— М-м. По молодости и глупости перешел дорогу прародителю тритонов, — в глазах Бай Цзяня мелькнула тень улыбки, но она была ледяной и острой, совсем не похожей на его обычный взгляд.

Сы Юэ почувствовал, как лапа на его затылке становится влажной и еще более холодной. Перепончатая кисть тритона была достаточно велика, чтобы полностью обхватить шею человека. Кровь под кожей Сы Юэ пульсировала, артерия бешено билась — это были чисто человеческие признаки жизни, которые тритон изучал с явным упоением.

Сы Юэ затаил дыхание. Под пристальным взглядом Бай Цзяня он не мог даже зажмуриться.

— И что потом? — выдавил он.

— Потом? Потом я стал тем самым монстром, которого А-Юэ видит перед собой. — В ауре тритона промелькнуло недовольство.

Сы Юэ подумал: «Неужели я так явно это показываю?» Вспомнив фильмы и книги, он робко спросил:

— А проклятие можно снять?

— А-Юэ, не на все вопросы есть ответы. Проклятия — не исключение. — Большой палец Бай Цзяня с силой надавил на кадык парня. Сы Юэ поперхнулся, не в силах ни вздохнуть, ни сглотнуть. От этой внезапной жестокости к горлу подкатила тошнота.

Облако закрыло луну, и Бай Цзянь убрал руку. Его плавники тоже исчезли. Сы Юэ покраснел от нехватки воздуха. Он смотрел на Бай Цзяня и видел, как тот на глазах превращается обратно в изысканного и благородного господина.

Бай Цзянь наклонился, нахмутив красивые брови, и коснулся пальцем шеи парня:

— Покраснело.

Сы Юэ отпихнул его:

— Ты сам это сделал!

Заметив, что «человеческий детеныш» не на шутку рассердился, Бай Цзянь с улыбкой произнес:

— Прости. Можешь выбрать любую машину в гараже.

Любую? Совсем любую?

Сы Юэ понял, что его суровый вид мгновенно улетучился.

— Все?

— Да, все, — подтвердил Бай Цзянь.

Он продолжил резать фрукты, а Сы Юэ стоял рядом, засыпая его вопросами:

— А в чем суть проклятия? Только в том, что ты меняешься в полнолуние?

— Это лишь побочный эффект, — ответил Бай Цзянь. — А-Юэ, я говорил тебе, что мне триста лет.

— Да, говорил.

— Это только начало. У меня впереди еще бесконечное множество таких «трехсотлетий».

Свет бра был тусклым, в воздухе разлилась мертвая тишина.

— О чем ты?

— Моя жизнь не знает смерти и болезней, — Бай Цзянь повернулся и посмотрел Сы Юэ в глаза. — А-Юэ, ты прав: я действительно монстр.

Сказав это, он тихо рассмеялся. Его взгляд был бесконечно нежным.

Сы Юэ замер, забыв, как дышать. Он не знал, что его поразило больше: само признание, будничным тоном, которым Бай Цзянь говорил о проклятии, или та ясность, с которой тритон осознавал свою суть. В этот момент Сы Юэ показалось, что проклятие — это вовсе не кара. Это — коронация.

Луна окончательно скрылась. Стол под лампой сиял чистотой, в вазе у стены стоял букет белых роз. Свет сверху отбрасывал на пол длинную тень. От жара отопления спина Сы Юэ покрылась испариной. Он открыл рот, но не смог издать ни звука. Сердце колотилось где-то в горле. Безупречный, почти идеальный Бай Цзянь никогда еще не производил на него такого сокрушительного впечатления.

Ночью пошел дождь. В Цинбэе это обычное дело, и Сы Юэ привык спать под любой шум. Но сегодня он не мог сомкнуть глаз.

Образ Бай Цзяня, говорящего «я монстр» и смеющегося при этом, раз за разом прокручивался в голове.

«Это было чертовски круто», — думал он. Не каждый сможет так спокойно принять свою судьбу. Именно таким Сы Юэ всегда хотел быть.

Он накрылся с головой одеялом, пытаясь выкинуть из мыслей черные плавники, ледяные лапы на своей шее и чешую, тускло светящуюся в темноте. В этом не было ничего страшного. Если Бай Цзянь прошел через такое, то его внешность — это не уродство, а боевой орден.

На следующий день начался прилив. Грохот волн доносился до гостиной, где Сы Юэ делал уроки. В одной руке у него был учебник, в другой — атлас тритонов, который дал ему Бай Цзянь. Рисунки в учебнике по сравнению с этим атласом выглядели как детская мазня.

«У Бай Цзяня всегда всё самое лучшее», — с удовлетворением подумал Сы Юэ.

Бай Лу валялся на диване с подушкой и смотрел телик. Вдруг он спросил:

— А-Юэ, ты последние ночи проводишь с моим братом?

— Нет, — Сы Юэ усердно рисовал. — Но вижусь с ним каждый вечер. — Раз уж тема зашла, он отложил карандаш. — Слушай, Бай Лу, твой брат правда проклят?

Бай Лу удивился:

— Он сам тебе сказал?

— Типа того. Но я не всё понял.

— Спрашивай, — Бай Лу сел по-турецки и зачерпнул горсть семечек.

— Почему его прокляли? Он сказал, что перешел дорогу кому-то важному.

— Я точно не знаю. Когда я появился, брат уже был таким. Дед наверняка в курсе. Я знаю только в общих чертах: наш прародитель был тем еще тираном. Он ненавидел людей и обожал кастовую систему. Хотел править миром и в итоге подставил кучу тритонов. Не знаю, что там сделал мой брат, но вот результат.

Сы Юэ быстро сообразил: Бай Цзянь наверняка пошел против тирана.

— Наш прародитель прожил больше тысячи лет. Его гены — это нечто. Он мог переделывать людей легче, чем тритонов. Они с братом... как бы сказать... — Бай Лу замялся. — Типа как сводные братья.

— Сводные?

— Ага. В прародителе текла кровь морского бога — ну, по легенде. Сейчас в такое не верят, но это часть нашей истории, иначе его бессмертие не объяснить. Только вот нафига он проклял брата вечной жизнью? — Бай Лу пошевелил ногами. — Я бы тоже не отказался от такого

проклятия. Не хочу стареть.

Сы Юэ: «...»

— Поэтому мы, тритоны, такие симпатичные, — подмигнул Бай Лу. — Ты видел брата во время атавизма? Тебе понравилось?

Сы Юэ задумался.

— На самом деле... я считаю, что в этой форме он выглядит круто.

— Да что там крутого? — надулся Бай Лу. — Это же страшно!

Сы Юэ не понимал, почему Бай Лу боится. Бояться должен был он, человек. А Бай Лу и Бай Цзянь — одного вида.

— Ты не учил нашу историю, там всё приукрашено, — зашептал Бай Лу. — Я видел в шкафу брата старинные рисунки прародителя. У него были белые рога, белый хвост и белые волосы. Но это был странный белый цвет. Как бы сказать... Он был больше похож на демона, чем на тритона.

— А почему Бай Цзянь после проклятия стал серебристо-голубым? Разве не должен был стать белым?

— Потому что изначально брат был черным. Его гены оказались настолько сильными, что при слиянии с «белым» проклятием получился серебристый.

Сы Юэ: «...» — Какое научно обоснованное проклятие.

— Всё, брат идет, — Бай Лу, чей слух был острее, мгновенно улегся и уставился в телевизор. — А почему людям нравится мультик про розовую свинку?

Сы Юэ снова взялся за карандаш. Он ничего не слышал. Бай Цзянь ведь был в кабинете наверху на совещании с помощниками Цзян Юнем и Цзян Юем. Спустя минуту послышались шаги.

Цзян Юй шел за Бай Цзянем, вполголоса спрашивая:

— Господин Бай Цзянь, профессор Фань Си уже в третий раз просит о гранте. Снова отказ?

Бай Цзянь поправил очки и промолчал. Цзян Юнь отвел коллегу в сторону:

— Семья Фань была в союзе с прародителем, когда тот истреблял наш вид. Ты о чем вообще думаешь?

Бай Цзянь мельком взглянул на Цзян Юя. Тот стушевался:

— Но те-то люди давно мертвы. Профессор Фань Си тогда был ребенком. Он столько сделал для науки, для благотворительности...

— Цзян Юй, — холодно осадил его Цзян Юнь.

Когда помощники проходили мимо Сы Юэ, тот вежливо поздоровался. Цзян Юнь заглянул в его рисунок:

— Что рисуешь?

— Вас, тритонов.

Цзян Юнь посмотрел на лист. Кроме хвоста, всё остальное представляло собой хаос из линий. Но, помня о статусе парня, он вежливо солгал:

— Хорошо получается.

Сы Юэ просиял:

— Спасибо!

Те, кто знал реальный уровень его рисования, предпочли промолчать.

Наступила ночь. Сы Юэ стоял на террасе. Ветер шелестел листвой камфорных деревьев, цветы в саду почти все распустились. К счастью, луна не сияла как прожектор — её свет был мягким и немного зловещим.

Сы Юэ тихонько зашел в комнату и — щелк! — запер дверь на замок. Подошел к окну и — щелк! — запер и его. Он нырнул под одеяло, обливаясь потом от нервного напряжения.

Тук-тук-тук.

Три удара в дверь.

Сы Юэ затаил дыхание, сжавшись в комок. Он не боялся внешности Бай Цзяня, он опасался его странного поведения в этом состоянии. Сердце бешено колотилось.

Тук-тук-тук.

Снова три удара.

— Молодой господин Сы Юэ, вы спите?

Дядя Чэнь?

Сы Юэ выдохнул с облегчением, вскочил и побежал открывать.

— Дядя Чэнь, так поздно...

Голос Сы Юэ оборвался. Черные плавники тритона возбужденно трепетали, темные глаза горели странным огнем. Половина лица была в чешуе.

Это был не дядя Чэнь. Это был Бай Цзянь, который идеально симитировал голос дворецкого.

Сы Юэ попятился. От тритона исходила пугающая аура, совсем не такая, как раньше. Страх теперь явно перевешивал любопытство.

— Привет... Бай Цзянь? — Он надеялся, что тритон его узнает.

— А-Юэ, спускайся к ужину. И надень официальный костюм. — Тритон даже не вошел в комнату. Он развернулся и ушел, оставив после себя тяжелый запах моря.

Сы Юэ нашел в шкафу костюм, сшитый на заказ для семейных торжеств. Его руки дрожали.

— Черт, да перестань ты! — прикрикнул он на себя, заметив, что и голос дрожит.

Он оделся, завязал галстук. В зеркале отразился парень с влажными от пота волосами на лбу. Откуда-то взявшийся сквозняк заставил его вздрогнуть.

Выходя из комнаты, Сы Юэ чувствовал себя героем, идущим на верную смерть. «Если выживу, перекатаюсь на всех машинах в его гараже», — пообещал он себе.

Спускаясь по лестнице, он мельком взглянул на картину «Тритон и полнолуние». Раньше она казалась ему просто красивой, теперь же он видел в ней глубокий и жуткий смысл.

Справа от лестницы была столовая. Там, во главе стола, сидел Бай Цзянь. Хотя нет, это был «тот» Бай Цзянь. Свет в комнате не горел — повсюду стояли свечи. Их пламя дрожало, выхватывая из темноты лицо тритона и еду на столе. В воздухе стоял резкий запах морепродуктов и едва уловимый аромат крови.

Сы Юэ ступил на последнюю ступеньку.

Шлеп.

На полу был ковер, он не должен был издать звука. Сы Юэ посмотрел вниз. Он стоял в воде.

Ледяная вода покрывала ковер и уже просочилась в его домашние тапочки.

Подойдя ближе к столу, он разглядел «блюда». Это были какие-то странные моллюски, разделанные крайне грубо — не ножом, а будто когтями и зубами хищника. Щупальца осьминога на тарелке всё еще извивались. Одно из них упало на пол, брызнув ледяной водой на подбородок Сы Юэ. Тот вздрогнул и отступил.

Бай Цзянь, подперев голову лапой, не сводил с него глаз:

— А-Юэ, иди ко мне. Мой партнер должен разделить со мной этот великолепный ужин.

Партнер? Ужин в полночь? Великолепный?

Сы Юэ уже ничему не удивлялся. В состоянии полного атавизма Бай Цзянь был неузнаваем. Сы Юэ сел по правую руку от него. Запах моря стал невыносимым. Он покосился на тритона — тот выглядел вполне пристойно, если не считать черной чешуи и плавников.

Перед Бай Цзянем не было приборов. На огромном блюде лежало сырое щупальце толщиной с ногу ребенка. Сы Юэ не мог есть сырые морепродукты, тем более такие склизкие. Он сжал вилку, не зная, как подступиться к «еде». Слизь со стола капнула ему на брюки.

Сы Юэ опустил взгляд и замер. Под столом он увидел нечто огромное, черное и изящное. Черный рыбий хвост тянулся от кресла Бай Цзяня, изгибаясь на мокром ковре. Он был вдвое больше хвоста обычного тритона. Плавник на конце хвоста мягко обвил лодыжки Сы Юэ.

Вилку держать стало трудно. Одно из щупалец на столе задело его руку, но Сы Юэ не заметил — всё его внимание было приковано к хвосту. Он заставил себя поднять глаза на Бай Цзяня. Тот, несмотря на облик, оставался вежливым.

Если бы не хвост под столом, Сы Юэ с удовольствием обсудил бы меню. Но сейчас он думал лишь о словах Бай Лу: «Период размножения. Партнер». Бай Цзянь воспринимал его всерьез.

Сы Юэ вздрогнул, стараясь игнорировать влагу и жаркий, почти звериный взгляд тритона. Хвост под столом соскользнул с его ног, сбросив мокрые тапочки, и недовольно шлепнул по полу.

Голос Бай Цзяня — хриплый и неземной — прозвучал прямо над ухом:

— Послушный мальчик... покажи мне свой хвост.